

Изучение феномена иронии в зарубежной лингвистике XX - начала XXI веков Заврумов З. А.

*Заврумов Заур Асланович / Zavrumov Zaur Aslanovich – кандидат филологических наук, доцент,
проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета,
Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск*

Аннотация: в статье рассматриваются современные концепции понимания иронии в зарубежной лингвистике XX - начала XXI веков. Учеными исследуются такие проблемы, как взаимодействие семантики лексических и текстовых единиц, что определяет характер подтекста, реализующегося в целом на уровне сверхфразовых единств. Ироническая модальность позволяет реализовать коммуникативную стратегию, целью которой становится адекватное понимание иронии, как её объектом, так и адресатом, которые могут и не представлять одно лицо.

Ключевые слова: ирония, современные концепции, ироническая модальность, подтекст, коммуникативная стратегия.

Проблематика изучения иронии становится актуальной для зарубежной лингвистики в 1960-е годы: впервые ирония начинает исследоваться как языковое явление в работе Гаральда Вайнрайха [18], что позволяет её определять через элементы стандартной элементарной когнитивной модели. В понимании Г. Вайнрайха объект иронии зачастую не может трактовать адекватно смысл иронического высказывания, однако последующая исследовательская практика показала, что ироническая модальность позволяет реализовать коммуникативную стратегию, целью которой становится адекватное понимание иронии, как её объектом, так и адресатом, которые могут и не представлять одно лицо.

Для Генриха Лёффлера определяющим при изучении риторической иронии является та особая роль, которую играет в понимании иронии принадлежность к одной лингвокультуре, а значит – определенная общность культурных и национальных фоновых знаний. Это позволяет исследователю описать важнейшую функцию иронического высказывания – «механизм выделения языковых групп» [14]. Для зарубежной лингвистики в создании новых концепций иронии одну из доминант составляет анализ юмора, который представил З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» [5], поэтому основной функцией иронии признается шутка, острота, причем тенденциозные остроты, как утверждает З. Фрейд. В отличие от других видов дают наибольший эффект, вызывая наибольшее удовольствие, реализуя две стратегии – агрессивность (сатиру, оборону) и «обнажение», что и формирует их характер, враждебный или скабресный.

Ульрике Гиссман [8] определяет оценочный компонент как необходимое условие реализации иронии, а сами сигналы иронии не являются отдельным классом особых языковых сигналов, т.к. используются в тексте / дискурсе и в других целях. Урсула Оомен [15], развивая данную исследовательскую линию, указывает, что конститuent иронического высказывания – именно его оценочность, и проводит анализ с позиций установления семантических и синтаксических закономерностей дискурсивной репрезентации иронии. Такой анализ позволяет выявить роль корреляций буквального и производного смыслов в формировании иронической семантики, в то время как предшественники У. Оомен указывали на облигаторность «замещения» буквального значения.

Принципиально новое понимание иронии связано с обоснованием в работах Дж. Остина и Дж. Серля теории речевых актов. Развитие теории позволило выявить и параметризовать различные иллокуции, возможные для одного и того же высказывания. Ирония изучается в терминологии теории речевых актов в работах Давида Й. Аманте [6], который исходит из постулата о потенциальной неироничности иронического речевого акта, если его поместить в иное контекстуальное окружение. Облигаторным для возникновения иронического смысла признается наличие в речевом акте двух пропозиций, противоречащих друг другу, но объединенных общим референтом, релевантны для иронического акта ситуативные ожидания, которые базируются на общих фоновых знаниях коммуникантов. Для Хенка Хаверкейта формирование иронии опирается не на пропозиции, но на иллокуцию [11], а структура высказывания рассматривается с позиций двух принципов продуцирования иронического значения: таковы антонимическая оппозиция (прежде всего, в отдельно взятых лексемах) и отрицание пропозиции (в предложениях). Материалом выступают не только на материале утвердительные высказывания, как это было свойственно для работ по проблематике иронии ранее, но также высказывания директивные, комиссивные и экспрессивные.

Ирония, по мнению Норберта Гроебена [10], представляет собой «иносказательно-контрастивное высказывание», а конститuentом иронии выступает диссоциация, которая в своей основе содержит контраст на уровне пропозиций (между пропозициями, репрезентированными эксплицитно и имплицитно), что позволяет реализовать иронию в прямом и непрямом речевом акте. Ирония анализируется в работе Н. Гроебена с позиций прагмалингвистики, что открывает перспективы

психолингвистического изучения данного феномена. Н. Гроебен уточняет функции иронии, учитывая аспект продуцирования и рецепции иронии:

- защита «я-концепции», солидарность с другими «поверженными», защита от «несправедливых» претензий на власть;
- уточнение позиций и конструктивная критика;
- возникновение близкого контакта;
- уничтожение позиций власти другого посредством высмеивания [10].

Ингер Розенгрэн, полемизируя с последователями теории речевых актов, указывает, что ирония не может быть адекватно проанализирована с позиции выявления иллокуции и пропозиции, обосновывая данный постулат возможностью реализации иронии практически в любом речевом акте [16]. Тезис об обязательности негативной оценки в любом ироническом высказывании, определяющий для концепции И. Розенгрэн, выдвигает на первый план пропозициональную установку говорящего, а значит, конституентом иронии признается противоречие между действительной и выраженной пропозициональной установкой. Только знание контекста определяет истинную установку высказывания, что и определяет, по мнению И. Розенгрэн, детерминированность адекватной интерпретации иронии адресатом конкретной ситуацией, а не языковыми средствами.

Опираясь на принцип кооперации (коммуникативного сотрудничества), Герберт Поль Грайс рассматривает иронию как один из видов инференционных моделей [9]. Общеизвестно, что принцип актуализируется при соблюдении четырех максим: качества, количества, релевантности, способа выражения. Возникновение иронии связывается с нарушением максимы количества: один из коммуникантов продуцирует высказывание, которое отражает не мнение говорящего, а делегируемую реципиенту возможность контекстуально выводного знания.

Другим плодотворным источником новых концепций иронии становится теория инференций, анализ которой приводит Дж. Лича [13] к постулированию вежливости как первопричины реализации иронии: такая ситуация возникает тогда, когда критика нарушает максимум вежливого отношения, но ирония способна смягчить её воздействие. Отметим, что такой подход к рассмотрению природы иронии безоснователен, т.к. часто ирония не «сглаживает», а обостряет критику, к тому же она может осуществлять и игровую функцию в процессе коммуникации, становясь развлечением.

В работе Дэна Спербера и Д. Уилсона [17] была выдвинута теория релевантности в качестве основополагающего подхода к изучению иронии. Основным постулатом теории релевантности стало утверждение о том, что любое ироническое высказывание является своего рода «упоминанием»: высказывание, имеющее иронический компонент, отсылает к известному. Продуцент иронии посредством такого цитирования выражает негативную оценку источника цитаты (человек, событие, положение вещей в целом). «Упоминание» в таком ракурсе предстает как отсылка к различным фоновым знаниям, которая может быть имплицитной, репрезентированной посредством различных инференций.

Концепция иронии Роджера Крейца и Сэма Глюксберга [12] в какой-то мере развивает теорию релевантности: в ироническом высказывании утверждается наличие некоего базового релевантного элемента, не всегда имеющего конкретный антецеденс, хотя и предположительно увеличивающего иронический эффект высказывания.

Согласно исследованиям Раймонда Гиббса, генерирование иронического смысла не вписывается в рамки стандартной прагматической модели Г. П. Грайса и Дж. Серля [7], т.к. понимание иронических высказываний происходит «напрямую», вне фазы выведения дословного смысла: зачастую ироническое значение может быть передано с меньшими затратами, чем сам буквальный смысл. Описанная Г. П. Грайсом модель рецепции (понимание буквального смысла, осознание несоответствия в конкретном контексте, выведение подходящего значения) в случае иронического высказывания оказывается вариативной, прежде всего, в плане временных затрат на понимание иронического смысла: он тем быстрее декодируется, чем более эксплицирован контекстуальный элемент, принципиальный для иронии.

Важным аспектом изучения иронии является модальность дискурса и текста. Как разновидность субъективной модальности, ироническая модальность, в своей сущности равная оценке [2], описывается формулой $A \ r \ B$, где A – субъект иронии, B – ее объект, r – критическая оценка. Специфика иронической модальности заключается в наличии в одном дискурсивном или текстовом сегменте двух контрарных оценок одного предмета или явления. Полисемия языковых единиц и их экспрессивность как сочетание эмоциональных и оценочных отношений субъекта иронии к её предмету определяет лингвокогнитивный потенциал иронии, поэтому изучение иронии сталкивается с проблемой «наращения смысла» текста. Такой ракурс исследования феномена иронии очевиден, т.к. формирование и реализации иронии оказалась бы невозможна при наличии у каждой лексической единицы единственного значения.

Как отмечалось выше, в ироническом высказывании представлены одновременно позитивная и негативная оценки, которые и детерминируют, соответственно, их экспликацию и имплицитность, а ироническая интенция определяется степенью проявления противоречия между вербализованным и

подразумеваемым. Имплицитная информация, представленная в тексте / дискурсе комплексно, описывается посредством термина подтекст, под которым понимается «внутренний, подразумеваемый, словесно не выраженный смысл высказывания, текста» [1, с. 331]. Взаимодействие семантики лексических и текстовых единиц определяет характер подтекста, реализующегося в целом на уровне сверхфразовых единств. Импликационал подтекста не во всех случаях может быть в полной мере, без коммуникативных потерь воспринят и оценен адресатом.

Иронический подтекст, содержащий имплицитную информацию, не может быть воспринят вне контекста как минимального маркера семантического пространства имплицитного элемента дискурса / текста [3; 4]. Тесное взаимодействие горизонтального контекста как дискурсивного употребления языковой единицы, детерминированного сугубо лингвистическими факторами, и вертикального контекста – исторических и филологических координат существования данного художественного текста позволяет воспринимать информацию полноценно. Сложность иронии обусловливается шириной контекста, который необходим для декодирования иронии.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. *Вишневецкая В. Д.* К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения // Мир культуры: теория и феномены. Пенза, 2002. Вып.2. С. 21-24.
3. *Казиева А. М., Шевель Е. А.* Тенденции интерпретирования и дефинирования понятия «ирония» в художественном тексте // В мире научных открытий, 2015. № 11.2 (71). С. 999-1005.
4. *Казиева А. М.* К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком // Гуманитарные исследования, 2012. № 2. С. 69-73.
5. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с нем. Р. Додельцева. СПб: Азбука-классика, 2006. 288 с.
6. *Amante D. J.* The Theory of Ironic Speech Acts // Poetics Today, Vol. 2. Tel Aviv. 1981. P. 77-96.
7. *Gibbs R.W., O'Brien J.* Psychological Aspects of Irony Understanding // Journal of Pragmatics 16. North Holland, 1991. P. 523-530.
8. *Gießmann U.* Ironie in sprachwissenschaftlicher Sicht // Sprachwissenschaft 2, 1977. S. 411-421.
9. *Grieco H. P.* Logic und Conversation // Syntax und Semantics. Vol. 3: Speech Acts. NY, 1975. P. 183-198.
10. *Groeben N., Scheele B.* Produktion und Rezeption von Ironie. Pragmalinguistische Beschreibung und psycholinguistische Erklärungshypothesen. Tübingen: Narr, 1984.
11. *Haverkate H.* A Speech Act Analysis of Irony // Journal of Pragmatics 14, 1990. P. 77-109.
12. *Kreuz R. J., Glücksberg S.* How to be sarcastic: The echoic reminder theory of verbal irony // Journal of Experimental Psychology General Vol. 118 (4), 1989. P. 374-386.
13. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. New York: Longman, 1983.
14. *Löffler H.* Die sprachliche Ironie – Ein Problem der pragmatischen Textanalyse // Deutsche Sprache, 1975. S. 120-130.
15. *Oomen U.* Ironische Äußerungen – Syntax, Semantik, Pragmatik // ZS für germanistische Linguistik 11, 1983. S. 22-38.
16. *Rosengren I.* Ironie als sprachliche Handlung // Sprachnormen in der Diskussion. Berlin: de Gruyter, 1986. S. 41-71.
17. *Sperber D., Wilson D.* Irony and the Usemention Distinction // Radical Pragmatics. New York, 1981. P. 41-58.
18. *Weinrich H.* Linguistik der Lüge. Heidelberg: Schneider, 1966.